

и заставляли бросить добычу, могло происходить и обратное. С другой стороны, возможен и полный антагонизм между людьми и гиенами. Суровый климат тормозил процесс освоения людьми северных территорий, нельзя исключить и того, что стаи гиен, а может и других крупных хищников, были существенным фактором в ограничении экспансии человека в Западную Берингию до тех пор, пока люди не приручили собаку, которая могла защищать их от разбойничавших стай гиен. Небезынтересно, что один из авторов этой работы (Н. Оводов) нашел в Разбойничьей пещере череп собаки, датированный около 14 тыс. л.н.

Заключение

В этой работе мы дали предварительные определения нескольким формам перимортальных модификаций костей и другим типам повреждений. Нет сомнений, что детальное их изучение, независимо от того, вызваны ли эти повреждения деятельностью людей, животных или иных факторов, служит новым источником данных, позволяющих реконструировать жизнь и среду обитания древних жителей Сибири. Полученные результаты, о которых мы здесь рассказали, выглядят обнадеживающими. Желательно дополнить нашу стандартизованную программу новыми признаками, но в то же время мы настоятельно советуем оставить ее в качестве основы для будущих наблюдений, ибо только это обеспечит сопоставимость наших результатов с новыми данными по фаунистическим коллекциям с территории Сибири и Восточной Азии.

Благодарности

Проект был обеспечен грантами, полученными основным исполнителем К. Тернером из его профессорского счета, а также от Национального Географического общества и от Фонда имени Веннер-Грена, поддерживающего антропологические исследования. Мы глубоко признательны директору Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН академику А.П. Деревянко и ректору Красноярского педагогического университета Н.И. Дроздову за помощь и поддержку в реализации нашего проекта. Выражаем также благодарность начальникам полевых отрядов – Сергею Маркину, Александру Постнову и Михаилу Шунькову – за разрешение посетить стоянки и отобрать образцы костей для анализа. Сергей Васильев оказал помощь в идентификации видов. Перевод данной работы на русский язык сделан О.В. Павловой.

Список литературы

- Оводов Н.Д.** Разбойничья пещера. Археология и палеоэкология палеолита в Алтайских горах: Путеводитель Международ. симпоз. “Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)” / Сибирское отделение Академии наук СССР. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1991. – 158 с.
- Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы /** Под ред. А.А. Сеницына, Н.Д. Праслова. – СПб.: ИИМК РАН, 1997.
- Binford L.R.** Bones: Ancient Man and Modern Myths. – N.Y.: Academic Press, 1981.
- Dart R.A.** The Osteodontokeratic Culture of Australopithecus africanus // Memoirs of the Transvaal Museum. – 1957. – Vol. 10. – P. 1 – 105.
- Efremov I.A.** Taphonomy: New Branch of Paleontology // Pan-American Geologist. – 1940. – Vol. 74(2). – P. 81 – 93.
- Lyman R.L.** Vertebrate Taphonomy. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Noe-Nygaard N.** Butchering and Marrow Fracturing as a Taphonomic Factor in Archaeological Deposits // Paleobiology. – 1977. – Vol. 3(2). – P. 218 – 237.
- Rudenko S.I.** Ust-Kanskaia Paleolithic Cave Site, Siberia // American Antiquity. – 1961. – Vol. 27(2). – P. 203 – 215.
- Shipman P.** Life History of a Fossil. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1981.
- Turner C.G. II.** Taphonomic Reconstructions of Human Violence and Cannibalism Based on Mass Burials in the American Southwest // Carnivores, Human Scavengers, and Predators: A Question of Bone Technology / Eds. G.M. LeMoine, A.S. MacEachern. – Calgary: Archaeological Association of the University of Calgary, 1983. – P. 219 – 240.
- Turner C.G. II, Turner J.A.** Man Corn: Cannibalism and Violence in the Prehistoric American Southwest. – Salt Lake City: University of Utah Press, 1999. – 547 p.
- Turner C.G. II, Ovodov N.D., Martynovich N.V., Derevianko A.P., Drozdov N.I., Pavlova O.V.** Perimortem Taphonomy of Late Pleistocene Siberian Faunal Assemblages from Natural and Cultural Settings // International Scientific Conference “Paleogeography of the Stone Age. Correlation of Natural Events and Archaeological Cultures of Paleolithic Period of Northern Asia and Adjoining Territories”. July 22 – 31, Kurtak, Novosyelova District, Krasnoyarsk Krai. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk pedagogical University, 2000. – P. 70 – 71.
- Wheat J.B.** The Olsen-Chubbick Site: A Paleo-Indian Bison Kill // Memoirs of the Society for American Archaeology. – 1972. – N 26, pt 2. – P. 1 – 180. – (American Antiquity; Vol. 37:1).
- White T.D.** Prehistoric Cannibalism at Mancos 5MTUMR-2346. – Princeton: Princeton University Press, 1992.

Материал поступил в редколлегию 29.01.2001 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.01/09

И. Свобода

*Отделение палеолитоведческих и палеоэтнологических исследований
Института археологии Академии наук Чешской Республики, Брно
Odd. Paleolitu a paleoetnologie,
Archeologický ústav AVČR Brno,
691 29 Dolní Věstonice,
České republiky
E-mail:svoboda@iabrno.cz*

О ПЕРЕХОДЕ ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

В период палеолита Северная Азия и Европа были очень похожи по географическому положению, климату, природным ландшафтам и стратегии выживания человека. С учетом этого на данных территориях можно предполагать сходство процессов миграции, аккультурации и развития технологий. Интенсификация в последние десятилетия археологических исследований в Северной Азии способствовала усилению интереса к сравнительному изучению регионов, что получило отражение на страницах настоящего журнала. В русле данной тенденции написана статья М. Отта и Я.К. Козловского, в которой исследуется региональное разнообразие в Северной Евразии, а также выявляется механизм перехода от среднепалеолитических технологий и культур к верхнепалеолитическим.

Проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту неоднократно обсуждались на конференциях и в научной литературе, однако ощущается недостаток теоретических знаний, объясняющих причины культурных изменений и ускорения технологического развития, которые происходили примерно 50 тыс. л.н. и позже. В Европе и на Ближнем Востоке большая часть “переходных” реалий, относящихся к периоду перехода от среднего к верхнему палеолиту, продолжает сохранять важные элементы среднепалеолитических технологий, будь это техника леваллуа, леваллуа-пластинчатая (например, индустрии, представленные на стоянках Эмиран, Богунице [Prehistory..., 1983; Svoboda, Škrdla, 1995]), бифасиальная (например, се-

летские индустрии [Vedrovice V..., 1993]) или просто устойчивая традиция редукции дисковидных или неподготовленных ядрищ для снятия отщепов. В то же время в большей или меньшей степени увеличивается доля пластин в производстве орудий [Bar-Yosef, Kuhn, 1999] и, соответственно, происходит развитие верхнепалеолитических типов орудий. Важным моментом культурных изменений является появление разнообразных предметов искусства в некоторых комплексах (например, Шательперрон [D’Errico et al., 1998]), а также костяных метательных орудий с расщепленными основаниями и типа Младеч (например, в Селете (?)) [Svoboda, 2001]). Поскольку одни из этих “переходных” реалий были без сомнения произведены поздними неандертальцами (Шательперрон), а другие – возможно, представителями Homo sapiens (пещера Селет), то эти культурные изменения можно объяснить непосредственным или опосредованным влиянием процесса распространения по всей Евразии человека современного физического типа.

Говоря о Северной Евразии, я хотел бы более подробно остановиться на вопросе о проявлениях технологического сходства, которые зафиксированы на удивительно обширной территории. Это сходство нашло отражение в леваллуа-пластинчатой линии перехода, известной в эмиранской культуре, а также на стоянках в Богунице и Кара-Бом (рис. 1) [Svoboda, in press]. Данная технология вызывает особый интерес, т.к. она, вероятно, представляет финальную и



Рис. 1. Карта-схема Северной Евразии. Треугольниками показаны места расположения стоянок эмиранских, богуницких и других индустрий, упомянутых в тексте. Квадратом отмечен бассейн среднего Дуная (подробно см. [Svoboda, in press]).

Таблица 1. Радиометрические даты эмиранских, богуницких и других леваллуа-пластинчатых индустрий (некалиброванные, реальный возраст может быть на 2 – 3 тыс. лет древнее), г. до н.э.

| Индекс | Памятник | Дата, лет |
|-----------|--|------------------------|
| SMU-580 | Бокер Тактит I | 47 280 ± 950 |
| SMU-259 | Бокер Тактит I | 46 930 ± 240 |
| AA 27994 | Пещера Учагизли H | 39 400 ± 1 200 |
| AA 27995 | Пещера Учагизли H | 38 900 ± 1 100 |
| GX 17597 | Кара-Бом-6/5 | 43 200 ± 1 500 |
| GX 17596 | Кара-Бом-5 | 43 300 ± 1 600 |
| GX 17595 | Кара-Бом-4 | 34 180 ± 640 |
| GX 17594 | Кара-Бом-6.4 | 33 780 ± 570 |
| Gd 4687 | Темната Пещера VI | > 38 700 |
| GrN 6802 | Богунице-Кежбалы, слой 4a | 41 400 + 1 400 – 1 200 |
| Q 1044 | То же | 40 173 ± 1 200 |
| GrN 6165 | Богунице (кирпичный двор), 4a | 42 900 + 1 700 – 1 400 |
| GrN 16920 | То же | 36 000 ± 1 100 |
| GrN 12606 | Странска Скала IIIa, нижний горизонт палеопочв | 41 300 + 3 100 – 2 200 |
| AA 32058 | Странска Скала IIIc, нижний горизонт палеопочв | 38 300 ± 1 100 |
| GrN 12297 | Странска Скала III, верхний горизонт палеопочв | 38 200 ± 1 100 |
| GrN 12298 | То же | 38 500 + 1 400 – 1200 |
| AA 32058 | Странска Скала IIIId, верхний горизонт палеопочв | 37 900 ± 1 100 |
| AA 32060 | То же | 37 270 ± 990 |
| AA 32061 | » | 35 080 ± 830 |
| GrA 11504 | » | 34 530 + 830 – 740 |
| GrA 11808 | » | 35 320 + 320 – 300 |
| GrN 11190 | Виллендорф II 2 (?), ниже слоя 3 | 39 500 + 1 500 – 1 200 |
| GrN 17806 | То же | 41 600 + 4 100 – 2 700 |
| GrN 11195 | » | 41 700 + 3 700 – 2 500 |

Таблица 2. Сравнительная хронология селетских и позднелеваллуазских культур (Эмиран, Богунице, Кара-Бом) в Евразии, построенная на основе обычных дат*

| Дата, тыс. л.н. | Селет | Виллендорф II | Богунице и Странска Скала | Темната Пещера | Учагизли | Бокер Тактит | Кара-Бом |
|-----------------|----------------------------|----------------|---|----------------------------|------------------|------------------------------|--|
| 33 | | | Ориньяк | | | | 4-й уровень обитания – 33 780 4-й уровень обитания – 34 180 |
| 34 | | | | | | | |
| 35 | В. – 35 150 | | С.С. – 34 530 С.С. – 35 080 С.С. – 35 320 | | | | |
| 36 | | | Б. – 36 000 | | | | |
| 37 | В. – 37 600 В. – 37 650 | | С.С. – 37 270 С.С. – 37 900 | | | Охмарийские индустрии | |
| 38 | Ч.П. – 38 400 | | С.С. – 38 200 С.С. – 38 300 С.С. – 38 500 | Ориньяк > 38 700 | 38 900 39 400 | | 38 080 |
| 39 | | Ориньяк | | | | | |
| 40 | В. – 39 500 | | Б. – 40 173 | | | | |
| 41 | | | С.С. – 41 300 Б. – 41 400 | | | | |
| 42 | П.С. > 41 700 | 2 > 41 700 (?) | Б. – 42 900 | | | | |
| 43 | | | | | | | 5-й уровень обитания – 43 200 6-й уровень обитания – 43 300 |
| 44 | | | | | | | |
| 45 | | | | | | | |
| 46 | | | | | | 46 930 | |
| 47 | | | | | | 47 280 | |

* В соответствующих графах указано время появления позднепалеолитических культур. Б. – Богунице, В. – Ведровице, П.С. – пещера Селета, С.С. – Странска Скала, Ч.П. – пещера Чертова Печь.

видоизмененную стадию развития поздней леваллуазской традиции, которая была синхронна переходу от среднего к верхнему палеолиту [Prehistory..., 1983]. На первых этапах исследования этих стоянок выделяли по крайней мере две параллельные техники – леваллуа и призматическую. После ремонтажа, который был произведен П. Волкманом и П. Шкрдлой, стало очевидно, что остаточные продукты обеих техник демонстрируют одну последовательность расщепления горных пород. Эта последовательность начиналась с производства верхнепалеолитических реберчатых ядрищ и заканчивалась изготовлением плоских нуклеусов, напоминающих леваллуазские. В отличие от леваллуазских ядрищ эмиранские-богуницкие нуклеусы продолговатые, объемные и часто редуцируются по биполярному методу [Prehistory..., 1983; Svoboda, Škrdla, 1995; Škrdla, 1996]. Анализируя конечные продукты расщепления, мы наблюдаем технологический переход от конвергентных острий на отщепках к бинаправленным остриям на пластинах [Demidenko, Usik, 1993a].

Истоки леваллуа-пластинчатой технологии усматривали в типично леваллуазских мустьерских индустриях в разных частях Евразии. В качестве ее возможных очагов рассматривались такие регионы, как Южный Левант, Балканы, Западная Украина и Алтай, тогда как на их границах (в Северном Китае на востоке и на среднем Дунае в Европе на западе) леваллуа-пластинчатая технология считалась привнесенной. При всех региональных различиях в типах острий, отличных от леваллуазских (эмирские, листовидные наконечники), на памятниках, удаленных друг от друга на значительное расстояние, зафиксировано сходство, которое можно объяснить как параллельным развитием технологий в отдельных регионах, так и диффузией и миграцией [Tostevin, 2000].

Учитывая результаты ТЛ, ЭПР-датирования и данные стратиграфии, такие стоянки, как Темната Пещера на Балканах, Богунице в Моравии и Кара-Бом в Сибири, следует отнести к периоду 50 – 45 тыс. л.н. (табл. 1, 2). Поскольку даты некалиброванные, они могут быть на несколько тысяч лет древнее и попадать

в указанный выше временной интервал. При использовании некалиброванных радиоуглеродных дат для сравнительного анализа напрашивается вывод, что леваллуа-пластинчатая технология ранее всего стала использоваться в Южном Леванте, примерно 47 – 46 тыс. л.н. (Бокер Тактит). Наибольшее количество радиометрических дат (Северный Левант (Учагизли), Балканы (Темната Пещера, уровень VI), средний Дунай (Богунце, Странска Скала (рис. 2), Виллендорф-2 (?)) и Сибирь (Кара-Бом, 6-й и 5-й уровни обитания)) относится к несколько более позднему периоду (43 – 37 тыс. л.н.). Самые поздние даты по радиоуглероду, указывающие на устойчивое применение данной технологии в некоторых районах (между 35 и 30 тыс. л.н.), получены для памятников Кара-Бом, 4-й уровень обитания, Странска Скала III d и, возможно, Куличивка. Полученные для верхних уровней слоев названных памятников изотопные даты, относящиеся к ахмарийским и ориньякским индустриям, показывают, что на начальном этапе позднего периода леваллуа-пластинчатая технология была либо замещена типично верхнепалеолитическими, либо сосуществовала с ними.

Статья М. Отта и Я.К. Козловского не ставит целью сбор и обобщение сведений со всего мира, такие задачи авторы оставляют первооткрывателям важных памятников в своих регионах, которые, возможно, в будущем сделают более подробный и систематический обзор материалов. В своем резюме я выбрал несколько серий артефактов со всей огромной территории Северной Евразии, чтобы на их примере продемонстрировать уровень технологической и стилистической идентичности (рис. 3 – 5). Кроме того, я подозреваю, что по определенным североафриканским коллекциям также можно воссоздать аналогичные последовательности технологических операций (см. [Svoboda, 1997]).

В Южном Леванте был открыт целый ряд мустьерских индустрий, основанных на применении леваллуазской технологии и демонстрирующих определенные тенденции к производству пластин. В этом регионе было обнаружено несколько многослойных стоянок, свидетельствующих о развитии леваллуа-пластинчатой технологии в ассоциации с эмирексскими острями, специфическими для данного региона (Кзар Акил, Бокер Тактит). С этих стоянок были получены даты по ^{14}C , наиболее ранние из которых укладываются в интервале 47 – 46 тыс. л.н. (Бокер Тактит) [Prehistory..., 1983; The Geography..., 2000]. И, наконец, судя по материалам, полученным из пещеры Учагизли в Северном Леванте, в течение последующих тысячелетий зона распространения этой технологии, возможно, расширилась [Kuhn, Stiner, Güleç, 1999]. Схожесть апплицированных нуклеусов с Ближнего Востока (Бокер Тактит) и из бассейна среднего Дуная в Европе (Странска Скала) недавно была подробно описана П. Шкрдлой.

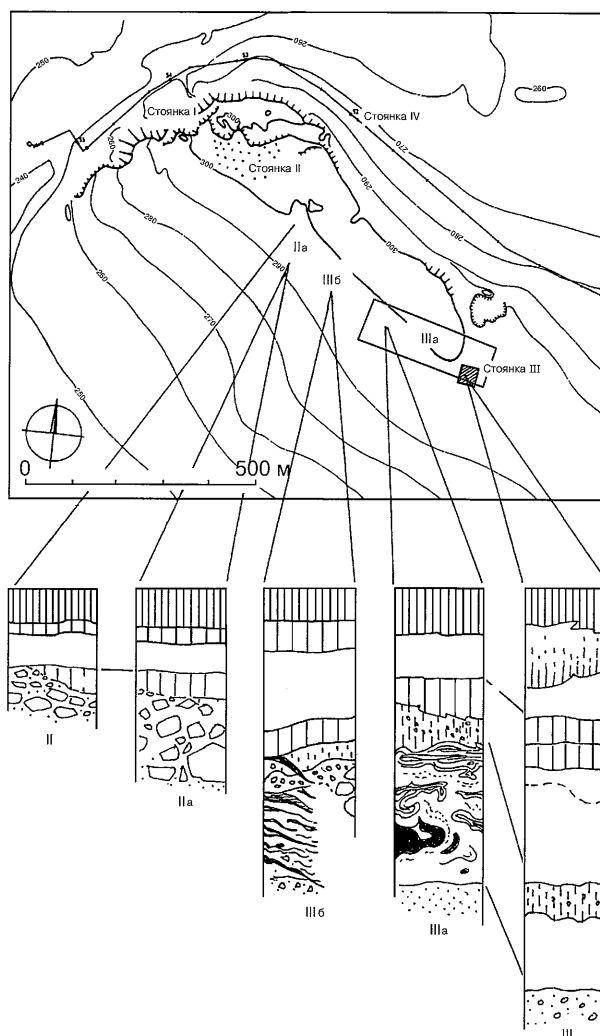


Рис. 2. Общий план холма Странска Скала (Моравия, Чешская Республика) и схема корреляции стратиграфических колонок, полученных в главных раскопах (1982 – 1999 гг.).

Балканы в период среднего палеолита представляли собой регион, культура которого включала леваллуазскую технику расщепления и производство листовидных острей. “Переходные” тенденции, отраженные в увеличившемся количестве верхнепалеолитических типов орудий (концевые скребки, резцы, удлиненные остря на пластинах), были зафиксированы на стоянке Темната Пещера в Болгарии, уровень VI, раскоп TD-II [Ginter et al., 1996; Temnata Cave..., 2000; Kozłowski, 2000]. Даты по ТЛ и стратиграфическое положение уровня VI, который предшествует хорошо датированному раннеориньякскому горизонту обитания, позволяют отнести эту коллекцию к периоду от 50 до 45 тыс. л.н., тогда как единственная дата по ^{14}C указывает на возраст ранее 38,7 тыс. лет.

Бассейн среднего Дуная в Европе представляет собой “периферический” район, в котором технология,

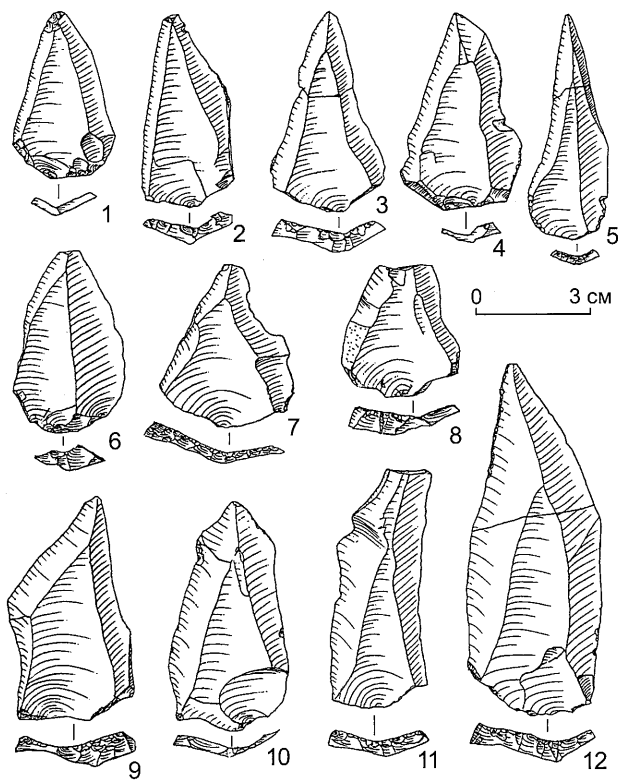


Рис. 3. Леваллуазские остроконечники со стоянки Странска Скала III. Раскопки Института археологии Академии наук Чешской Республики и Отделения археологии Гарвардского университета, 1997 – 1999 гг.

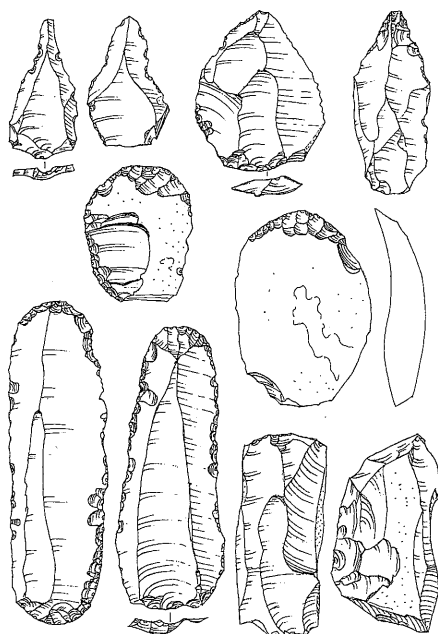


Рис. 4. Сравнительная выборка со стоянки Куличивка, слой 3, Западная Украина. Коллекция Института общественных наук, Украинская Академия наук, г. Львов.

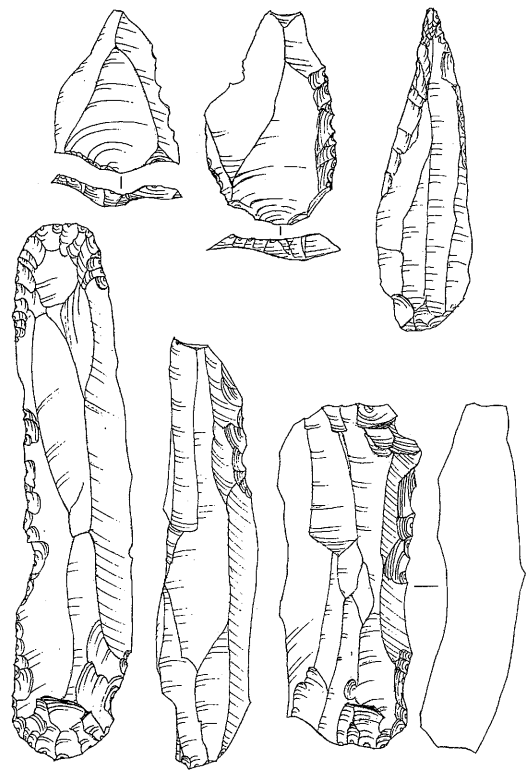


Рис. 5. Сравнительная выборка со стоянки Кара-Бом, Алтай, Сибирь. Коллекция Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.

зафиксированная на стоянке Богунице, выглядит привнесенной. В какой-то степени такое заключение может быть результатом недостатка материалов, по которым можно сравнивать стоянки среднего и верхнего палеолита. Несколько мустьерских и янковецких индустрий, представленных, в частности, леваллуазскими отщепами, рассматриваются как потенциальные предшественники индустрии, известной по стоянкам Богунице. Однако стоянки, в которых зафиксированы эти индустрии, являются поселениями в пещерах и охотничьими стойбищами, на которых обычно находят ограниченное количество артефактов, в т.ч. нуклеусов, что не дает полного представления о технологических процессах. Стоянки на среднем Дунае находятся под открытым небом, многие в непосредственной близости от источников каменного сырья и дают полную технологическую картину. Вывод о привнесенном характере индустрии в Богунице в большой мере основан на сравнении с представительными многослойными пещерными среднепалеолитическими стоянками (например, Кулна), которые демонстрируют технологические взаимосвязи с другой переходной линией, очевидно местной, а именно селетскими индустриями.

Самые большие исследованные и датированные стоянки на среднем Дунае (Богунице, Странска Скала II–III;

см. рис. 2, 3) сконцентрированы на окраине района Брно (Южная Моравия). Они приурочены к выходам кремнистых пород на горе Странска Скала [Die altsteinzeitliche Fundstelle..., 1976; Valoch et al., 2000; Stránska skála..., in press]. Стоянки открытого типа демонстрируют схожие технологические черты, основанные на сырье, которое добывалось на горе Странска Скала, удаленной от названных памятников на 30–40 км (Ондражице, Орехов, Могелно). Учитывая тот факт, что некоторые из этих памятников находятся на той же территории, что и стоянки селетской культуры, можно предположить их культурное смешение. О других стоянках, которые, быть может, отражают традиции, выделенной на материалах стоянки Богунице, пока мало говорится в литературе. Это Джерзислав в Силезии, Виллендорф II в Нижней Австрии, Нижний Храбровец в Восточной Словакии и Градско в Северной Богемии [Svoboda, in press].

Целая серия типичных мустьерских памятников была открыта в Западной Украине в долине Днестра. Молодова с характерными леваллуазскими короткими и широкими отщепами и остриями, снятыми с однополярных леваллуазских нуклеусов, многослойная стоянка Куличивка [Савич, 1987; Demidenko, Usik, 19936], расположенная дальше на север, на выходах высококачественного туронского кремня, демонстрируют свидетельства интенсивного заселения в течение всего периода от раннего верхнего палеолита до граветта, включая и более поздние доисторические периоды. При раскопках Куличивки, проводимых В.П. Савичем в 1968–1981 гг., были открыты очаги, следы конструкций и области концентрации артефактов. Нижний уровень 3 этого памятника, датированный временем 31 тыс. л.н. по ^{14}C , содержал индустрию с одно- и биполярными, призматическими, кубическими и плоскими нуклеусами. С них получали удлиненные (благодаря хорошему качеству сырья), конвергентные (леваллуазские остроконечники) пластины и отщепы. Первичные отщепы обычно использовались для производства концевых скребков (см. рис. 4). Леваллуазские нуклеусы, острия и пластины были найдены и в слое 2 (дата по ^{14}C 25 тыс. л.н. (личное сообщение В.П. Савич)), но, возможно, произошло смешение материалов этого слоя с вышележащими граветтскими индустриями (слой 1).

В Средней Азии аналогичные технологические тенденции демонстрирует культурная последовательность грота Оби-Рахмат [Derevianko, Petrin, Rybin, 2000].

Систематические исследования Алтайского региона [Деревянко и др. 1998; Derevianko et al., 1999; Derevianko, Petrin, Rybin, 2000] привели к открытию нескольких очень важных мустьерских стоянок с леваллуазской техникой и бифасами (Денисова пещера и др.). Последовательность, иллюстрирующая пере-

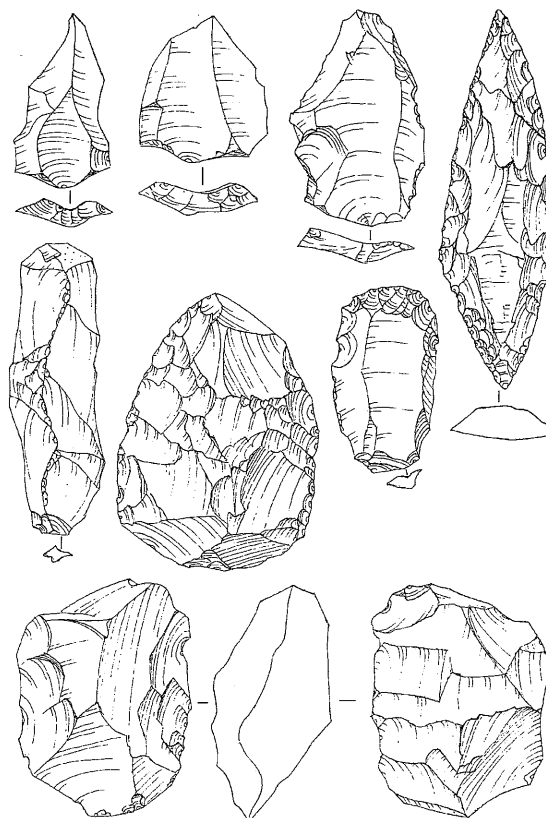


Рис. 6. Сравнительная выборка со стоянки Шуйдунгоу, пункты 63601 и 63603 (бифасы), Северный Китай. Коллекции Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии, Китайская Академия наук, г. Пекин.

ход от среднего к верхнему палеолиту, была зафиксирована на Кара-Боме, многослойной стоянке у подножия скалы. Для этой стоянки была получена серия радиоуглеродных и ЭПР-дат в интервале 72–30 тыс. л.н.; верхнепалеолитические индустрии датируются относительно ранним периодом – между 50 и 40 тыс. л.н. “Переходная” каменная индустрия содержит би- и однополярные плоские и призматические нуклеусы, с которых получали пластины, в т.ч. и удлиненные, а также леваллуазские нуклеусы и острия. Типологический список находок с данной стоянки включает в себя концевые скребки, резцы и остроконечные пластины, морфология некоторых из них типично верхнепалеолитическая (см. рис. 5). М. Отт и Я.К. Козловский упоминают также о присутствии эмирехских острий.

В 1920 и 1960-х гг. на территории Северного Китая [Jia, Huang, 1985; Древнее общество..., 1989] проводились раскопки на стоянке Шуйдунгоу (пров. Ганьсу), слои которой сосредоточены во флювиальных песчано-щебнистых осадках. Коллекции артефактов, собранных в пунктах 63601 и 63603 (рис. 6), содержат орудия из кварца и кварцита, пригодные для нашего

сравнительного анализа. У Жукан и другие исследователи [Древнее общество..., 1989, с. 401] датируют эти коллекции периодом между 38 и 34 тыс. л.н. В коллекциях содержатся би- и однополярные нуклеусы плоской, призматической и кубической формы (в частности, ядрища типа “upright preparation”), а также короткие и широкие леваллуазские остроконечники и леваллуазские отщепы и пластины (в т.ч. реберчатые пластины). Типологический лист индустрии включает концевые скребки, скребла, остроконечные пластины и долотовидные инструменты. В коллекцию, собранную в пункте 63603, добавились также типичные листовидные бифасы, в т.ч. типа “Faustkeilblatt”. Аналогичные коллекции были получены на некоторых стоянках открытого типа в Монголии, но, по всей видимости, леваллуа-пластинчатая технология не оказала большого влияния на последующее технологическое развитие на территории Китая: ее истоки не удается проследить в местных среднепалеолитических индустриях.

Важно определить, насколько производство пластин в эмиранско-богунских традициях как части леваллуа-пластинчатой технологической системы стимулировало производство верхнепалеолитических пластин. Несмотря на то, что ответы на этот вопрос могут быть разными, роль эмиранско-богунских традиций как следующего шага в процессе развития пластинчатой техники не стоит недооценивать. Кроме того, их влияние на разные культурные традиции Евразии проявлялось не одинаково.

Как отмечают М. Отт и Я.К. Козловский, при нынешнем уровне археологического и антропологического знаний анатомический тип человека трудно соотнести с индустриями переходного периода. В Леванте предшествующие среднепалеолитические мустьерские культуры с леваллуазской технологией были обнаружены как на стоянках с останками неандертальцев, так и на памятниках, оставленных человеком современного типа. Однако находок, демонстрирующих анатомические особенности производителей орудий в культурах Эмира, Богунце и Кара-Бом в Северной Евразии, пока нет. Теоретически и поздние неандертальцы, и люди современного физического типа могут быть носителями этих культур.

Еще одним примером евразийской общности, как указывают М. Отт и Я.К. Козловский, может служить ориньякская культура. Я не чувствую себя достаточно компетентным, чтобы обсуждать находки ориньякского типа в Средней и Северной Азии. Скребки высокой формы, подобные найденным на стоянке Усть-Каракол-1, которые авторы статьи квалифицируют как ориньякоидные, обнаружены также в неориньякских индустриях (например, на стоянке Липа). Должна накопиться представительная серия сравнительных материалов, прежде чем можно будет делать выводы о существовании ориньяка в Средней и Северной Азии. Как верно

отметили М. Отт и Я.К. Козловский, “концепции развития среднего и верхнего палеолита были определены на основе европейских материалов. Однако не ясно, применимы ли они для других регионов...”. В Европе ориньякская культура предстает как сложная и несомненная общность, в частности, потому что связывается с человеком современного физического типа (памятник Фогельхерд), а также с верхнепалеолитической технологией и искусством. Самые ранние проявления ориньякской культуры в Европе, зарегистрированные на отдельных и значительно удаленных друг от друга стоянках или группах стоянок [Haesaerts et al., 1996; Ginter et al., 2000; Bolus, Conard, 2001], относятся к периоду примерно 38 тыс. л.н. Имеющиеся даты показывают, что ориньяк появился позже, чем переходные культуры, и в среднем течении Дуная. Более того, несколько тысячелетий поздняя богунская и ранняя ориньякская культуры сосуществовали [Stránska Skála..., in press]. Нерешенными остаются проблемы, касающиеся происхождения ориньяка и его географического распространения, особенно его влияния на культуры переходного периода в Евразии.

Благодарность

За предоставленную возможность ознакомиться с материалами я благодарю Джан Сеншуй (Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии, Китайская Академия наук, г. Пекин), А.П. Деревянко (Институт археологии и этнографии, Российская Академия наук, г. Новосибирск), В.П. Савича и А.П. Черныша (Институт общественных наук, Украинская Академия наук, г. Львов). За обсуждение и поддержку в моих поисках ближневосточных параллелей я признателен Оферу Бар-Йозефу (Американская школа доисторических исследований, Американский исследовательский институт в Турции и Фонд Меллона).

Список литературы

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Древнее общество в Китае / Под ред. У Жукан, У Синьчжи, Чжан Сэньшуй. – Пекин, 1989 (на кит. яз.).

Савич В.П. Поздний палеолит Вольни // Археология Прикарпатья, Вольни и Закарпатья / Под ред. А.П. Черныша. – Киев: Наук. думка, 1987. – С. 43 – 65.

Цзя Ланьпо, Хуан Вэйвэн. Поздний палеолит Китая // Палеоантропология и археология палеолита в КНР. – Пекин, 1985. – С. 211 – 223 (на кит. яз.).

Bar-Yosef O., Kuhn S. The big deal about blades: Laminar technologies and human evolution // American Anthropologist. – 1999. – N 101 (2). – P. 1 – 17.

The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean / Eds. O. Bar-Yosef, D. Pilbeam // Peabody Museum. – 2000. – Bul. 8. – 197 p.

- Bolus M., Conard N.** The late Middle Paleolithic and earliest Upper Paleolithic in Central Europe and their relevance for the Out of Africa hypothesis // *Quaternary International*. – 2001. – N 75. – P. 29 – 40.
- Demidenko Y.E., Usik V.I.** The problem of changes in Levallois technique during the technological transition from the Middle to Upper Paleolithic // *Paléorient*. – 1993a. – N 19. – P. 5 – 15.
- Demidenko Y.E., Usik V.I.** On the Levallois technique in the Upper Palaeolithic // *UISPP, XIIe Congres*. – 1993b. – Vol. 2. – P. 239 – 242.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Nikolaiev S.V., Rybin E.P.** The Kara Bom site: Mousterian to Late Paleolithic evolution of the lithic industry in the Altai // *Anthropozoikum*. – 1999. – N 23. – P. 167 – 180.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P.** The Kara Bom site and the characteristics of the Middle-Upper Paleolithic transition in the Altai // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2000. – N 2. – P. 33 – 52.
- D'Errico F., Zilhao J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J.** Neanderthal acculturation in Western Europe? // *Current Anthropology*. – 1998. – N 39, supplement. – P. 1 – 44.
- Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice** / Ed. K. Valoch. – Praha: Academia, 1976. – 120 p.
- Ginter B., Kozłowski J.K., Laville H., Sirakov N., Hedges R.E.M.** Transition in the Balkans: News from the Temnata Cave, Bulgaria // *The last Neandertals, the first anatomically modern humans* / Eds. E. Carbonell, M. Vaquero. – 1996. – P. 169 – 200.
- Haesaerts P., Damblon F., Bachner M., Trnka G.** Revised stratigraphy and chronology of the Willendorf II sequence, Lower Austria // *Archaeologia Austriaca*. – 1996. – N 80. – P. 25 – 42.
- Kozłowski J.K.** The problem of cultural continuity between the Middle and Upper Paleolithic in Central and Eastern Europe // *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean* / Eds. O. Bar-Yosef, D. Pilbeam. – Cambridge: Peabody Museum, 2000. – P. 77 – 105.
- Kuhn S., Stiner M., Güleç E.** Initial Upper Paleolithic in south-central Turkey and its regional context: A preliminary report // *Antiquity*. – 1999. – N 73. – P. 505 – 517.
- Prehistory and paleoenvironment in the Central Negev, Israel** / Ed. A.E. Marks. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1983. – Vol. 3.
- Škrdla P.** The Bohunician Reduction Strategy // *Quaternaria Nova*. – 1996. – N 6. – P. 93 – 107.
- Svoboda J.** Note on a Palaeolithic industry from Wadi Buzna, Fezzan // *Anthropologie*. – 1997. – N 35. – P. 11 – 15.
- Svoboda J.** Mladeč and other caves in the Middle Danube region: Early modern humans, late Neandertals, and projectiles // *Les premiers hommes modernes de la Péninsule ibérique. Actes du colloque de la Commission VIII de l'UISPP*. – Lisboa, 2001. – P. 45 – 60.
- Svoboda J.** Continuities, discontinuities and interactions in Early Upper Paleolithic technologies. View from the Middle Danube // *Another World. The Early Upper Paleolithic East of the Danube: 65th Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Philadelphia, April 5 – 9, 2000* / Eds. P.J. Brantingham, K. Kerry, S. Kuhn (in press).
- Stránská skála.** Early Upper Paleolithic occupations in the Brno Basin, Czech Republic / Eds. J. Svoboda, O. Bar-Yosef (in press).
- Svoboda J., Škrdla P.** The Bohunician technology // *The definition and interpretation of Levallois technology* / Eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 429 – 438.
- Temnata Cave.** Excavation in Karlukovo Karst area, Bulgaria / Eds. B. Ginter, J.K. Kozłowski, J.L. Guadelli, H. Laville. – Kraków: Jagellonian University, 2000. – Vol. 2. – P. 1. – 418 p.
- Tostevin G.** Behavioral change and regional variation across the Middle to Upper Paleolithic transition in Central Europe, Eastern Europe, and the Levant: Ph. D. Dissertation. – Harvard: University, Department of Anthropology, 2000.
- Valoch K., Nerudová Z., Neruda P.** Stránská skála III – Ateliers des Bohunicien // *Památky archeologické*. – 2000. – N 91. – S. 5 – 113.
- Vedrovice V,** eine Siedlung des Szeletiens in Sudmähren // *Quartär* / Ed. K. Valoch. – 1993. – N 43/44. – P. 7 – 93.

Материал поступил в редколлегию 16.04.2001 г.

УДК 902

С.А. Васильев

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: anna@neuro.pri.pu.ru*

КОММЕНТАРИИ К СТАТЬЕ М. ОТТА И Я.К. КОЗЛОВСКОГО “ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ”

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту продолжает привлекать внимание исследователей, в свет выходит много новых сборников и монографий по данной тематике. К сожалению, большинство авторов ограничивается анализом материалов Европы и Ближнего Востока. Безусловно, имеющиеся в нашем распоряжении сведения по другим частям Евразийского материка пока несопоставимы с богатейшими данными по упомянутым регионам. Это заставляет рассматривать проблему почти исключительно с точки зрения технико-типологического анализа каменного инвентаря, опуская не менее важные аспекты культурно-хозяйственной трансформации древних обществ на этом рубеже (расположение стоянок на местности, функциональная дифференциация памятников, вопросы связи стоянок и источников сырья, характер структур обитания и охотничье-собирательской деятельности и др.).

Обсуждаемая статья представляет собой редкий для европейских исследователей “прорыв” за традиционные географические рамки рассмотрения темы. Широту предпринятого сравнительного анализа азиатских индустрий можно только приветствовать. К сожалению, обратившись к сибирским материалам, М. Отт и Я.К. Козловский допустили ряд досадных неточностей, на которых я хотел бы остановиться.

Вопрос об антропологическом типе носителей мустьерских индустрий Алтая остается не столь определенным, как это представляется авторам статьи. Действительно, первоначальная идентификация К. Тернером [Turner, 1990] антропологических остатков из пещер Окладникова и Денисовой как неандертальских получила широкое распространение в литературе. Заметим, что ведущий отечественный антрополог

В.П. Алексеев [Алексеев, 1998] был не столь категоричен в оценке останков из алтайских пещер. Отмечая архаичность одного из зубов, он указывал на недостаточность признаков на одонтологических остатках для определения антропологического типа (*Homo sapiens sapiens* или *Homo neandertalensis*) древнего населения. Примерно той же точки зрения придерживается Е.Г. Шпакова. “...Можно лишь с большой долей условности, – пишет она, – отнести зубы из пещер Алтая к неандертальским одонтологическим образцам” [Шпакова, Деревянко, 2000, с. 137]. В свете отсутствия однозначной связи культуры и антропологического типа (мустье – неандерталец, верхний палеолит – *Homo sapiens*) допустимо предположить, что носителями культуры мустьерских индустрий Алтая могли быть представители ранних *Homo sapiens* или, как думает Е.Г. Шпакова, метисированных популяций.

Мустьерские индустрии Сибири, вопреки мнению М. Отта и Я.К. Козловского, не столь однородны [Археология..., 1998], они разделяются на ряд вариантов, хотя их хронологическое расчленение и интерпретация – дело явно преждевременное. Пока же, следуя принятым для среднего палеолита условным критериям, можно выделить мустье типичное с умеренным развитием леваллуазской техники (Денисова пещера), своеобразный вариант мустье типичного с обилием угловатых скребел (пещера Окладникова), леваллуа – мустье (пещеры Страшная, Двуглазка, Усть-Канская, Тюмечин I, находки из Тувы и Приангарья), а также не вполне ясные нелеваллуазские непластинчатые индустрии, основанные на технике радиального скалывания. К ним относятся коллекции из Тюмечина II, а также пещеры Каминная, хотя в последней на облик изделий наложила свой отпечаток необычайная грубость